

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Герман и Марта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2785975

Аннотация

«Обоим влюбленным было за пятьдесят: Марте Иконен – пятьдесят один год и Герману Метанену – пятьдесят шесть. Когда началась у них эта странная, смешная и печальная любовь, не знал никто в Мецикюлях, да и не старался узнать: там люди молчаливы, и скрытность их естественна, как естественно молчание зеленых мхов, безгласность снега и глубокая тишина невысоких небес. Оба они вдовели: и Марта и Герман – но каждый в браке своем жил хорошо, как это принято у молчаливых людей, которые не кричат и не жалуется...»

Леонид Николаевич Андреев Герман и Марта

Обоим влюбленным было за пятьдесят: Марте Иконен – пятьдесят один год и Герману Метанену – пятьдесят шесть. Когда началась у них эта странная, смешная и печальная любовь, не знал никто в Мецкюлях, да и не старался узнать: там люди молчаливы, и скрытность их естественна, как естественно молчание зеленых мхов, безгласность снега и глубокая тишина невысоких небес. Оба они вдовели: и Марта и Герман – но каждый в браке своем жил хорошо, как это принято у молчаливых людей, которые не кричат и не жалуются; и у Марты был сын, высокий, худой склонный к чахотке, работающий Вилли, а у вдовца осталась дочь, уже немолодая и некрасивая девушка, с широкоскулым злым лицом и водянистыми глазами. Ее серо-желтые волосы напоминали парик у дешевых кукол, а юбка непонятного цвета и вылинявшая кофточка имели такой вид, как будто больше всего на свете ненавидит она свою одежду. Звали ее Тильда.

Но далеко позади тихой полосы вдовства, за тем

временем, когда еще не рожались на свет ни Вилли, ни Тильда, вспоминалось старикам нечто милое сердцу, что и было, вероятно, началом их необыкновенной любви. Однажды летом, идя каждый по своему делу, они встретились в лесу и молча прошли вместе восемь километров; у большой дороги они простились, и каждый пошел дальше по своему делу: Марта, тогда еще девушка, готовилась к своей свадьбе, а Герман, тогда еще жених, готовился к своей. Только всего и было; впрочем, прощаясь, Герман долго держал руку девушки, а она долго держала свою руку в его руке, но молчания они не нарушили и оба смотрели в сторону. Это было летом, у большой дороги, на опушке леса. И Герман видел возле трухлявого пня кустик земляники, которой много уродилось в то лето, а Марта слушала, как звенят бубенцами невидимая в лесу корова и теленок; но сказать они ничего не сказали и молчания не нарушили.

Овдовев, они стали чаще видеться друг с другом, но не так часто, чтобы это бросалось в глаза; иногда неделями не встречались. Дома их, проконопаченные мхом, почерневшие от снега и осенних дождей, находились рядом, и смежные небольшие участки их земли разделялись гнилым забором из наклонных черных жердей; в одном месте верхние жерди проломились, и тут был лаз, которым они пользовались для

соседских деловых сношений. И у Германа его неширокая полоса земли была под травой, и не было на ней ни кустика, ни дерева, а у Марты часть земли запахивалась сыном под овес, и был, кроме того, кусок серого корявого леску, откуда брали сучья на зиму. И вокруг, до самого черного сплошного леса на холме, стояли одиноко такие же домики и такие же заборы, и жили в них всё такие же Иконены и Метанены: других фамилий почти совсем не было в Мецикюлях. Вероятно, все они находились в далеком родстве, как в родстве состоят и деревья в лесу, родившиеся от общего семени.

С любовью своею Герман и Марта не торопились, и она росла медленно, как всякая поросль: весной и летом быстрее, зимою совсем останавливалась; очень возможно, что они просто не замечали течения времени или не видели ему конца. И когда решили они пожениться, то встало перед ними новое препятствие: по строгому закону страны, старики за пятьдесят лет могут венчаться только с разрешения детей. Они знали и раньше про этот закон, но, может быть, им не хотелось про него думать; но тут пришлось.

Происходило это весной, в мае, когда всякая любовь шагает быстро; но, хотя день был ясный и теплый, сидели они в избе у Марты, на лавке, перед закрытым окном, за которым неясно желтел луг в золо-

теньких скромных цветочках. И оба думали.

– Вилли не позволит, – сказала Марта.

– Нет, позволит. И моя Тильда позволит. Как ей не позволить? – сказал Герман. У него были рыжие бачки кустиками и красное сморщенное лицо; с годами он стал легкомыслен и самонадеян.

– Нет, не позволит, – сказала Марта.

И Вилли действительно не позволил. Через неделю вечером, у того же окна, он выслушал просьбу матери и долго молчал, сжав тонкие серые губы. Вероятно, он был удивлен, но не показал этого, и в его голубых, как кусочки стекла, маленьких глазах нельзя было прочесть ни удивления, ни сочувствия, ни гнева. И, помолчав еще, решительно и коротко сказал:

– Нельзя.

– Почему нельзя? А если можно? Ты подумай, Вилли, я подожду.

Но и еще подумав, он так же коротко и решительно ответил:

– Нельзя.

Потом они еще час сидели рядом на лавке и молчали. И в тот же вечер такой же ответ получил Герман от своей дочери Тильды. Но и злой ответ был быстрее, и Герман не сразу поддался, даже кричал и обругал свою дочь:

– Сатана!

А у той побелел нос и покраснели скулы, и видно было, что она ненавидит не только платье свое, но и глиняные волосы, и отца, и весь свет.

Через час Герман и Марта сошлись у забора. Они не назначали свидания, но так случайно вышло, что каждый пошёл к забору; и Марта сказала:

– Вилли не позволял. А Тильда тоже?

– Тоже. Сатана!

А в окна, пока они думали, смотрели на них Вилли и Тильда, каждый в свое; и за мутным стеклом их лица были как серые неподвижные пятна. Уже наступила ночь, но свет еще не погас, и не было вероятия, что когда-нибудь и погаснет: так был он неподвижен и тускл. Над головою беззвездное небо мутнело голубым, а на западе, рад оранжевою полоскою заката, синими тяжелыми свитками перекинулись неподвижные тучи, на одном краю завязавшись в большие мягкие узлы. Но если бы и двинулись они и закрыли небосвод, свет все ж бы не погас, и только не так красна стала бы крыша на далеком господском доме. Было тепло, под обрывом дымилась река ночным туманом, а за рекой, в березовом пахучем лесу, куковала кукушка. Это была весна, май, когда широко шагает всякая любовь.

И Герман решительно сказал:

– Завтра я поеду в Выборг. Мы еще посмотрим!

– Поезжай, – согласилась и Марта.

Через неделю Герман поехал в Выборг. Это было первый раз, когда он так далеко уезжал из Мецикюль, хотя ехать по железной дороге приходилось всего три часа; и в первый раз он видел город. Как и деревья в их лесу, Метанены и Иконены вообще никуда не ездили, а если кто сходил с ума, то он прямо уезжал в Америку и пропадал навсегда, как срубленная сосна. Но и в Выборге ничего хорошего не сказали Герману, а спирту он напился, а деньги пропил и потерял, и назад вернулся только через пять дней пешком. Потом, через некоторое время еще, Герман и Марта вдвоем ездили к приходскому лендсману, за двадцать километров, и все уже знали, глядя на них, зачем они едут; знали и то, глядя на них в обратном пути, с чем они возвращаются. Но ни в одних из наблюдавших глаз, ни в голубых, ни в серых, нельзя было прочесть ни удивления, ни сочувствия, ни насмешки. Ездили они на чужой лошади, которую выпросил Герман у соседа, и на возврате Герман гнал ее без милосердия и кричал на нее: сатана!

Видя, что закон сильнее их любви, Марта и Герман решили подкупить детей: у Марты от покойного мужа оставалось спрятанными четыреста марок да у Германа за проданный когда-то участок сохранилось около восьмисот, итого тысяча двести. Но и на деньги не

пошла непреклонная Тильда, а Вилли с тем же безучастным видом и так же коротко ответил:

– Нельзя.

На самом деле и Вилли и Тильде деньги были очень нужны, так как за это время, подчиняясь действию весны и обстоятельств, они сами успели полюбить друг друга и сами решили пожениться: они были молоды, и это было их право, которого никто не отрицал. К тому же вел их и хозяйственный расчет: в отдельности каждый имел мало, а вдвоем они будут иметь большое поле, частью под травой, а частью под овсом, и небольшой корявый лесок.

Марта ничего не сказала, узнав о намерении детей жениться, а Герман ругался и ходил молчать по соседям, у которых рассчитывал найти сочувствие; но сочувствия не встретил, и они тоже молчали, и кончалось лето, с которым проходит и любовь, – и скоро он успокоился. Теперь по ранним вечерам, в холодке наступающей долгой ночи, у забора молча стояли и смотрели в стороны влюбленные Вилли и Тильда, а за мутными стеклами окна серело неподвижное пятно лица Марты. Сперва их было два: Герман тоже глядел на влюбленных, покамест ему не надоело это.

И к зиме все стало так, словно никогда Герман и Марта и не думали жениться, а Вилли и Тильда всегда были женихом и невестой. Они уже вместе ездили

в Выборг на ярмарку покупать наряды и лошадь для Вилли, так как Герман отдал дочери деньги и так же поступила Марта со своими четырьмя сотнями марок. И все знали, зачем они едут, а потом все узнали новую лошадь Вилли и молча занесли ее в список живых тварей, населявших Мецикюли и бывших на счету у приходских властей и у бога.

Под самое рождество Марта пропала. Два дня молчал и ждал ее сын Вилли и всю вторую долгую ночь не спал: выходил раздетый за дверь и слушал. Но все молчало, и снег был бел даже в темноте, а избы и заборы черны, чернее же всего было небо за белой прямой крышей Тильдиного дома. На третий день, когда рассвело, Вилли позвал с собой рыбака Айрику с багром, и они вдвоем пошли разыскивать пропавшую Марту. Ясные на неглубоком снегу, прямые следы шагов привели их к забору, к тому лазу, через который общались соседи; потом следы пересекали вспаханное с осени, замерзшее под снегом поле, и тут были неровны, нога вихлялась на колчак. Дальше следы по крутому спуску, по снежной целине привели их на реку, – и тут дело стало ясно.

На льду снегу было совсем мало, и Марта шла прямо и ровно, как по ниточке, ни разу не остановилась и не повернула, шла, как приходский землемер; и по бокам ее узкого следа молча и неторопливо шагали

Вилли и рыбак Айрика с багром. У проруби, где сне оледенел от пролитой воды, они остановились и закурили, всматриваясь в черное отверстие, уже затянувшееся тонким ледком; но зоркий Айрика увидел следы за прорубью, и они пошли дальше. За лесистым поворотом открылась черная полоса, пересекавшая реку, там находилась быстрина, не замерзающая в самые сильные морозы, а перед быстриною было глубокое место; и туда шли прямые, как по ниточке, узкие следы. К открытой воде лед становился тоньше и снегу на нем меньше, и перед самой чернотой глубокой воды следы обрывались вместе с обломанным ледком; некоторые льдинки унесло течением, другие уже смерзлись и припаялись к краю, и одна вмерзла тонким обсосанным ребром.

Марту опытный Айрика нащупал багром на быстрине, на мелком месте, куда сволокло ее течением. Потом на новой лошади ее привезли домой, и все шесть дней, до похорон, в ее доме целую ночь светился за мерзлым стеклом неяркий огонь. Но он был один на все Мецикюли, где с восьми часов вечера во всех черных избах гасили свет, и это придавало огню неестественно бодрый и многозначительный характер: словно он один разговаривал, когда все молчит.

Но всего удивительнее было то, что Марта утопилась зимою, когда гаснет всякая любовь.